

УДК 800.2
ББК 81.001.91
Х 98
С.А. Хут

О формировании билингвальной личности (на примере адыгейско-русского двуязычия)

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье анализируются механизмы овладения ребенком вторым языком, рассматриваются особенности когнитивной системы билингва.

Ключевые слова:

Билингвизм, когнитология, речевые жанры, кодовые переходы.

В конце прошлого века началось изменение научной парадигмы гуманитарного знания. На современном этапе при исследовании вопросов функционирования языка все большее значение приобретает фактор человека как активного субъекта познания, обладающего индивидуальным и социальным опытом, системой знаний о мире, отраженной в его сознании концептуальной картиной окружающей действительности. (6:57). Антропоцентрическая парадигма, ориентированная на изучение функционально-коммуникативных аспектов естественного языка, использование когнитивных методов при анализе последнего как средства организации, обработки и передачи информации, вернула человека в центр мироздания, переместив научный интерес лингвистов со структуры языка на условия его использования, «с сосюрговских правил шахматной игры на самих игроков» (5:47-58).

В основе процесса антропологизации лингвистики лежит идея о том, что «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» (12:15).

Основной вопрос, не получивший однозначного разрешения в современной науке, – это вопрос о том, зависит ли развитие речи от развития мышления или, напротив, речь служит основой для развития познавательных функций. Существующее множество теорий не дает однозначного ответа и на вопрос о том, является ли речь чисто человеческим приобретением, и если да, то можно ли считать ее структуры универсальными и наследственными или

же это приобретенные структуры, различные в разных культурах.

В разрешении данных проблем нам поможет анализ познавательных процессов у детей-билингвов.

Не одно десятилетие психолингвистов занимает вопрос о том, каким образом спустя всего несколько месяцев после появления первых слов дети уже обладают структурами, необходимыми не только для восприятия речи взрослых, но и для ее понимания, а к тому же и для построения достаточно правильных фраз, которые могут быть поняты взрослыми.

Уже доказано, что у детей очень рано формируются фонологические, семантические и синтаксические познания, необходимые для усвоения языка. Как выяснилось, в первый год жизни каждый младенец способен без труда произносить 75 различных фонем. Таким образом, он обладает достаточной потенцией для усвоения любого языка и может с одинаковым успехом произносить английское *th*, щелкающий звук, имеющийся в языке бушменов, и арабские гортанные звуки. Но поскольку ребенок, как правило, оказывается погруженным лишь в одну языковую среду, он постепенно перестает издавать звуки, не свойственные родному языку. Что касается детей, в семьях которых говорят на двух и более языках, то, как показывает практика, они «выбирают» тот язык, который им необходим для повседневного общения вне дома.

Если взять русский и адыгейский, то по свидетельствам родителей, при прочих равных условиях ребенок быстрее начинает говорить

на русском языке, а затем к нему подключается родной адыгейский язык. То есть, при возможности выбора ребенок все же будет идти от простого к сложному (в основном это происходит в семьях, где один из родителей говорит с ребенком на русском языке, а другой – на адыгейском). Здесь необходимо оговориться, что простота или сложность того или иного языка является относительной, но без сомнения, гортанные звуки, присущие адыгейскому языку, вызывают больше затруднений при их овладении. В дальнейшем ребенок довольно быстро приобретает способность понимать значение слов, неразличимых по звучанию, но имеющих разный смысл в зависимости от контекста. Это свидетельствует о развитии семантических функций и служит явным признаком включения мыслительных процессов. Ребенок, не приобретая фонологических навыков на одном языке, может благополучно приобрести семантические навыки, то есть способность понимать значение слов, обращенных к нему одним из родителей. Таким образом, в двуязычной среде этапы овладения языком выстраиваются не всегда по общепринятой схеме: фонология – семантика – синтаксис. Мыслительные процессы опережают речевые.

Основной проблемой билингвизма является проблема сочетания и взаимодействия двух языковых систем и картин мира. Особенность данного явления заключается в невозможности однозначно констатировать его наличие или отсутствие у конкретного индивида. Речь может идти только о сформированности того или иного типа двуязычия. Но разделение билингвизма на два типа – координированный и субординативный (смешанный) – не дает ответа на главный вопрос: каким образом два образа действительности взаимодействуют в одном сознании. Объяснить многие языковые процессы, возникающие при билингвизме, поможет анализ факторов, влияющих на формирование типа билингвизма. К таким факторам, в первую очередь, относятся: возраст овладения вторым языком, способ обучения и языковая практика на втором языке.

В Республике Адыгея большинство детей овладевают русским языком в естественных условиях одновременно с родным, а иногда, как было отмечено выше, и раньше адыгейского. Формируется типичный координированный би-

лингвизм, то есть создаются две параллельные системы, где каждому денотату соответствует свой сигнификат. Связь денотат – сигнификат закрепляется напрямую в сознании индивида, минуя посредство первого языка благодаря «погружению» в языковую среду (7: 60-61).

Основным показателем сформированности билингвальных умений считается способность к использованию иноязычной языковой системы в целях общения (коммуникации) при направленности сознания на предмет речевой деятельности, а не на средства и способы его формирования и формулирования (Имедадзе).

Быть билингом – это значит «уметь осуществлять речевую деятельность (точнее отдельные виды речевой деятельности или их комплекс), пользуясь в зависимости от ближайшей социальной среды, цели общения, информированности о собеседнике и тому подобными языковыми средствами не одного, а двух языков, имея более или менее свободный выбор языка для общения» (10:252-254).

Таким образом, определяющим фактором сформированности билингвальных умений является не просто степень владения вторым языком, а результативность его использования; при таком понимании даже примитивный акт вербальной иноязычной коммуникации, закончившийся взаимным пониманием партнеров, является актом билингвального поведения, и человек, совершивший его, действует в этом случае как билингв. Билингв – это уникальная и специфическая лингвистическая конфигурация. Сосуществование и постоянное взаимодействие двух языков у билингва производит отличную, но целостную лингвистическую сущность (13). Универсальный язык мысли по-разному кодируется в семантике различных языков. Билингв лучше ориентируется в семантике слов, концептуализация окружающей действительности носит двусторонний характер, при этом двуязычный индивид четко разграничивает составляющую того или иного концепта в зависимости от языка. Базовый (доконцептуальный) уровень категоризации направлен на освоение явлений действительности и «сопровождается соотношением объекта или ситуации с конкретной предметной областью и созданием структурированного по оппозиции «целое-часть» соответствующего ментального образа.

Базовый уровень категоризации упорядочивает фоновые, имплицитные знания в предметные области и соотносимые с ними образные и структурные схемы и когнитивные модели. Иными словами, этот базовый уровень служит базой и средством для формирования концептов и потому концептуального уровня осмысления и категоризации внешнего и внутреннего мира.

Донаучная (т.н. наивная) картина мира отражает устройство окружающего мира и, что важнее, особенности его осмысления носителями того или иного языка. Существующее наряду с понятием «языковая картина мира», понятие «модель мира» имеет семиотический смысл и представляет мир в виде системы разделенных особым смыслом знаков. Модель мира состоит из семиотических и производных от них оппозиций, ориентирующих человека в мире: верх-низ, право-лево, день-ночь и др. Вместе они представляют универсальные знаковые комплексы, имеющие иерархическую ориентацию и кодирующие устройство мира (11: 66). В сознании билингва существуют две знаковые системы, и при необходимости происходит «переключение» с одного кода на другой в зависимости от функциональной необходимости. Последнее положение обосновывается теорией речевых жанров. «Всякое конкретное высказывание – звено в цепи речевого общения определенной сферы... Высказывание наполнено диалогическими обертонами, без учета которых нельзя до конца понять стиль высказывания. Ведь и самая мысль наша – и философская, и научная, и художественная – рождается и формируется в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями, и это не может не найти своего отражения и в формах словесного выражения нашей мысли» (4:285). Так, адыг-билингв для научного жанра использует русский язык, независимо от того, является ли он первым или вторым языком. Т.е. «ведущим языком билингва является тот, в котором проявляется наибольшее соответствие между языковым мышлением и языковыми средствами. Остальные языки функционально слабее, и им отводится подсобная роль» (1). Но даже в рамках одного жанра выбор языка зависит от темы. Так, при обсуждении вопросов, связан-

ных с адыгским фольклором, неизбежно встает вопрос об использовании адыгейского языка (адыгами-билингвами) или адыгейской терминологии (русскими монолингвами). Таким образом, выбор языка общения зависит от жанра, который, в свою очередь, зависит от темы.

Примечания:

1. Ананьев Б.Г. Закон психической ассиметрии / Б.Г. Ананьев // Психология чувственного познания. М., 1960, 487 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – с.39-40.
3. Баранов А.Г. Когнитивные сущности как база метаязыковой интерпретации // Язык и национальные образы мира. Материалы международной научной конференции. Майкоп, 2001, с.147.
4. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин. // Эстетика словесного творчества. Сост. С.Г.Бочаров. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – с. 285.
5. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. 2001. Т.60, № 6. С.47-58.
6. Гуреев В.А. Вопросы языкознания, №2, 2004, с.57.
7. Завьялова М.В. Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) / М.В. Завьялова // Вопросы языкознания – 2001. – №5. – с.60-62.
8. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик // М., 1992, с.168.
9. Кубрякова Е.С. Внимание // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ.ред. Е.С.Кубряковой – М.: МГУ, 1996, с.15-16.
10. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2005. – 312 с.
11. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева // РАН. Ин-т языкознания. – М.: Academia, 2005, 640 с.
12. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья к книге Э. Бенвениста «Общая лингвистика», М., 2002 с.15.
13. Grosjean F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person // Brain and language. V. 36.1989/ Цит. по Завьяловой.